

Андрей Худенко

МЕСТО «ДРУГОГО» В ЦЕЛОСТИ ЗАБОТЫ

Розглядається теза М. Гайдегера, за якою інший має місце у розімкненні стурбованості й турботи. Артикулюється динамічна сутність розімкнення.

Ключові слова: *інший, турбота, прокладення справи.*

Разбирается тезис М. Хайдеггера о том, что «другой» имеет место в разомкнутости озабочения и заботливости. Артикулируется динамическая природа разомкнутости.

Ключевые слова: *«другой», забота, ведение дела.*

The theses of Heidegger that another man has place in openloop of concerning-for and taking-care is study in the article. Kinetic character of openloop is emphasizing.

Key words: *alius, care, transaction.*

Хайдеггер занимает позицию не за пределами феноменологического движения, а исключительно внутри него. Твердость этой позиции заключается в принципиальном уяснении того, что первое в феноменологии не может быть предвзятой идеей научного познания, но ее первое – свободное можествование встречи: акцентирование и артикуляция факта встречи. Фундаментальная онтология, таким образом, использует феноменологический метод так, что разбирает и вскрывает «плотную материю» интенциональности, которая обнаруживает себя в эстетике встречи с налично-сущим, где и «другому» необходимо есть место.

Нельзя сказать, что фундаментальная онтология была заряжена на прояснение места «другого». Хайдеггер ставит вопрос о подлинности, устойчивости – присутствии того, что есть. На первый взгляд кажется, что постановка вопроса учеником не отличается от задач, которые ставил перед собой Гуссерль. Действительно, указание Хайдеггера на то, что устойчивость сущего обнаруживается как всегда мое собственное, позволяет читать это «собственное» как я-конституирование и для него. Но это ли имел в виду Хайдеггер под всегда-моим Dasein? Он ведет речь о том *есть*, которое открывается во встрече; и здесь *то, что есть*, оказывается своим собственным. Потому всегда-мое Dasein разворачивается не как я-сущее и не как экзистенция *per se*, но как экстазис исполняющего размыкания, который *здесь* – во встрече – открывает то нечто, что есть как *вот это* нечто.

Фактически, то, что есть как оно суть само свое, фундаментально обусловлено разомкнутостью. При этом речь не идет о разомкнутости как некой нейтральной «территории» всего-равного; не идет речь и о разомкнутости как «территории» уравнивания и сращения со встреченным

в срединной точке. Но – об индифферентной срединности разомкнутости, где встречаемое есть как оно суть свое собственное. И здесь должно быть место «другому». Таким образом, предмет нашего исследования состоит в рассмотрении фактичности разомкнутости, где то, что есть в наличии, суть оно свое собственное и здесь есть место «другому».

Параграф 26 «Бытия и времени» носит симптоматичное название «Соприсутствие других и повседневное событие». Союз «и» в данном названии указывает ни на соединение, ни на разъединение соприсутствия и события, но на способ, каким разомкнутость есть.

Определяя сопричастие «другого», Хайдеггер отмечает: «‘Описание’ ближайшего окружающего мира, например, рабочего мира ремесленника, выявило, что вместе с находящимся в работе средством ‘совстречны’ другие, для кого назначено ‘изделие’. В способе бытия этого подручного, т. е. в его имени-дела лежит по сути указание на возможных носителей, кому оно должно быть скроено ‘по плечу’. Равным образом встречен в примененном материале его изготовитель или ‘поставщик’ как тот, кто хорошо или плохо ‘обслуживает’. Поле, к примеру, вдоль которого мы идем ‘за город’, показывает себя принадлежащим тому-то, кем содержится в порядке, используемая книга куплена у..., получена в подарок от... и тому подобное. Заякоренная лодка на мели указывает в своем по-себе-бытии на знакомого, который на ней предпринимает свои ходки, но и как ‘чужая лодка’ она указывает на других. Другие, – заключает Хайдеггер, – ‘встречающие’ так в подручной мироокружной взаимосвязи средств, не примысливаются к сперва где-то просто наличной вещи, но эти ‘вещи’ встречаются из мира, в котором они подручны для других» [1, с. 118]. Суть далее следующих комментирующих дополнений сводится к следующему: «другой» встречается из мира, в котором «присутствие находит ‘себя самого’ сначала в том, что оно исполняет, использует, ожидает, предотвращает, – в ближайше озаботившем подручном» [1, с. 119]; в подручности «мир есть всегда уже тот, который я делю с другими», и такое «внутримирное по-себе-бытие есть сопричастие» [1, с. 118]; уже вторично, т. е. из сопричастия бытия-в-мире, можно быть «с другим» [1, с. 120].

Кажущаяся исчерпанность определения места «другого» заставляет задать вопрос: каким образом встречаемый «другой» дан в сопричастии? Хайдеггер как бы отвечает: в подручном. Однако мы настаиваем: как происходит так, что в «ближайше озаботившем подручном» происходит деление мира с «другим»? кто такой этот «другой», что с ним необходимо делиться миром? С одной стороны, можно согласиться на ответ, который скорее представляет результат имени-дела. В самом деле, «‘вещи’

встречаются из мира, в котором они подручны для других»; и они подручны для «других», т. к. «другой» – «это сущее ни налично ни подручно, а существует *так же*, как само высвобождающее присутствие – оно *тоже- и со-присутствует* [1, с. 118]. Но и этот ответ заставляет нас с еще большей настойчивостью спросить о существовании самого имени-дела, в которое, по всей видимости, уже продуктивно встроено «другой», что вообще позволяет «другому» тоже и соприсутствовать.

Нельзя сказать, что Хайдеггер вообще не задавался этим вопросом. Как он сам отмечает, «в предыдущем разделе круг внутримирно встречающего был сначала сужен до подручного средства, соотв. до наличной природы, стало быть до сущего неприсутствияразмерного характера. Это ограничение было необходимо не только в целях упрощения экспликации, но прежде всего потому, что способ бытия внутримирно встречного присутствия других отличается от подручности и наличности» [1, с. 118]. Указание на то, что встреча «другого» отличается от подручности и наличности, говорит о том, что «другой» не может быть самым средством, но, тем не менее, укоренен в способе бытия этого средства. Так или иначе необходимо обратиться к рассмотрению Хайдеггером «способа бытия средства», которое конститутивно для всякого средства, чтобы увидеть в этом «способе» место «другого».

«Способ бытия средства», которое Хайдеггер именуется подручностью, не есть, с одной стороны, наличествующая вещь, с другой – даже та вещь, которая просто под рукой, т. е. годная и применяемая в ближайшем подручном. Фактически «простое глазение» на вид вещей не способно открыть подручность, и чисто «теоретически» всматривающийся взгляд лишен ее понимания. Но, при этом, подчеркивается, что «уподобляюще-орудующее обращение однако не слепо, у него свой собственный способ смотреть, ведомый орудованием и наделяющий его специфической вещественностью. Смотрение такого прилаживания есть *усмотрение*» [1, с. 69]. Эта «специфическая вещественность усмотрения» суть – работа сама по себе. Именно в работе (или в самом забивании, как отметил Хайдеггер, говоря об удобстве применения молотка) и домашний мир подручен, и «мир» встречается орудующим обращением.

Однако простым указанием на «работу» не исчерпывается характеристика «способа бытия средства». Несмотря на то, что этот раздел изобилует примерами из области повседневных занятий, речь ни в коей мере не может идти только о каком-либо конкретном физическом усилии по орудованию чем-либо и срабатыванию чего-либо. Приводя эти примеры, Хайдеггер, скорее, акцентирует внимание на фактичности

самой по себе работы, или того дела, которое орудуется и срабатывается во множестве своих подробностей – в чем-то, с чем-то и ради-чего-то. Таким образом, дело в его фактичности имеет характер отсылания: в целости отсыланий покоятся обстоятельства дела, в которых чем-то орудуется и нечто срабатывается. Таковое дело, которое определено обстоятельствами отсылания, Хайдеггер называет именем-дела – *Bewandtnis*, т. е. то, в чем и с чем (в обстоятельстве отсылания) заключено само дело.

Отсылающая структура имени-дела, которая определяет, в чем, с чем дело суть, указывает на достаточно значимую характеристику самого дела: оно годологично. Мы сейчас обращаем внимание не на скорое достижение результата дела и, следовательно, сам по себе результат – то ради-чего ведет нас отсылающий путь имени-дела, но на само дело, которое шествует, так, что достигает того, ради чего оно ведется, – цели. Так вот, дело шествует с самого допущения дела – в-чем. Однако таковое допущение не может состояться без его с-чем, к-чему и ради-чего. Фактически, в целости обстоятельств проложен путь шествующей материи дела. При этом важно также отметить, что путь этот не прямой и ровный, но расчленен: в-чем, с-чем, к-чему, ради-чего – суть отдельные шаги целости пути ведения дела.

Шествующее в пути дело почленно (пошагово) ведется. Ведется оно, как отмечает Хайдеггер, «усматривающим озабочением» [1, с. 107]. Важно подчеркнуть, что речь идет не просто о рассмотрении – остроте и силе взгляда, но рассмотрении видимого, т. е. осмотрительно – с заботой о том, что есть в наличии. «Усматривающим озабочением» дело «настроено» править близостью и далькостью: оно и приближает, и отдаляет – ведет ход между далеким и близким. Собственно, шествием в переходе и справляется само дело: чем-то орудуется, что-то и ради чего-то срабатывается. Очевидно, что шествуя в пути, дело не только приближает, но и отдаляет: оно ведется направляющим от-далением, или в установлении и сохранении дистанции. Т. е. дело ведется о-граничением: подчиняется ритму направляющего от-даления.

Таким образом, «способ бытия средства» конституируется как ведение дела: шествие в пути целостной взаимосвязи отсыланий, направляемое ритмом от-даления. Граница, как конституция «способа бытия средства», исходно распоряжается присутствием чего бы то ни было в его самостной стати. Потому присутствие нечто суть ведение дела, в котором первичным является не *я-сам*, но *ко-мне* направляющее от-даление. В этом *ко-мне* наличествующее встречается озабочением, под тяжестью которого потом и «я» печатается. При этом даже не ответ «другому» нагружает

необходимостью ответственности. Задержка с ответом обусловлена той опасностью, что таится в каждом последующем шаге: «другой» стоит на страже, преграждая возможность следующего шага. Этот «другой» не обходим: шаг должен быть сделан, чтобы продолжить путь ведения дела, и потому с ним должно делить мир и, следовательно, то нечто, что усмотрено озабочением. Собственно, место «другого» определено тяготением шагов в пути ведения дела, и он встречается направляющим от-далением. Он фактически на страже – в ответе за то встречаемое, которое не *мое*, но *в-чем* – от там чужести – дело *с-чем* ведется. Он отдален как гарант продолжения ведения дела. В этой связи «другой» есть не в различающем выхватывании своей субъектности из прочих, тоже имеющихся субъектов, и не в первичном вглядывании в самого себя, когда метишь свое отличие, но он имеет отдельное место в цепи почленного ведения дела как не обходимый и гарантирующий его продолжение.

В пути происходит столкновение с «другим» лицом к лицу. «Другим» не абстрактным, но конкретным, т. е. тем, кто сам ведет дело. И не абсолютным: ни *он*, ни *я* не есть завершенные сами по себе. Каждый – и «я», и «другой» – от-граничены ведением дел, и в таковой разомкнутости встречаются в пути. Таким образом, стоя на страже встречаемого в пути, «другой» артикулирует перипетии ведения дела. И дабы продолжить само дело – не потерять и не забыть путь дела, с «другим» мир должно делить. Напротив, стирая границу, т. е. вне направляющего от-даления, ни о каком деле не может быть и речи. Таким образом, устанавливаемая и сохраняемая в озаботившемся усмотрении граница акцентирует продуктивную отдельность «другого» в его соприсутствии.

Ведением дела не исчерпывается содержание встречи, когда «другой» не-обходимо соприсутствует. Как отмечает Хайдеггер, «сущее 'ближайшим образом' есть безотносительно к другим» [1, с. 120]. Действительно, дело ведется без «другого» так, что оно в раз-воде с ним. То, о чем говорит здесь Хайдеггер, это сокрытость завязанного в ведении дела «другого». Конечно, сокрытость соприсутствия «другого» не является абсолютной катастрофой в ведении дела. Но только признание этой абсолютности заставляет стать пред ним в цепенеющем созерцании и разоблачить, далее, присвоить сокрытое в нигилизме и самовыведывании. Однако, сокрытость суть вина – причина продолжения дела. В этой связи «безотносительно к другим» – факт далекости «другого» и приближение его шествием в пути. Снятие же «другого» блокирует продолжение, прекращает само дело, зашивает годологическую природу его ведения. Само дело, почленно ведомое, предстает как методос меры, составляющих это дело членов. В «безотносительности» слышится звук машины и видится технолог. С таким

забвением Хайдеггер связывает победу «вычисляющего мышления». В конечном итоге, «вычисляющее мышление» разрушает и само дело, превращая его в технологию, руководимую жадной прибавления копий. Таким образом «безотносительно к другим» – суть приближение «другого» от далеко. Таковым *от* и причиняет возможность ведения дела в продолжение. Таковое продолжение настроено не отступлением или наступлением, а усматривающим озабочением, в котором артикулируемая отдельность «другого» споспешествует самому делу.

При этом сопричастный «другой» не то сущее, которым озабочиваются, но заботятся о нем, присматривают за ним. Таким образом, артикуляция членораздельной отдельности «другого» в усматривающем озабочении есть заботливое обращение к нему. В заботливости и под присмотром пребывающий «другой» имеет место в событии.

Событие с «другим» фактически доставляет возможность продолжения дела: споспешествует ему и тем самым оберегает дело от перспектив соскальзывания к калькулирующей технологии и разрушению – банкротству. При этом «другой» не может рассматриваться лишь как средство продолжения дела. Но и раскрытие возможностей продолжения дела в заботливости обращения с «другим» не должно затерять и само дело. Действительно, абсолютная близость «другого», его выделение как цели дела не менее губительно и для «другого», и для самого дела. Таковое вторжение «может с другого ‘заботу’ как бы снять и поставить себя в озабочении на его место, его заменить. Эта заботливость берет на себя то, чем надо озаботиться, на себя вместо другого. Он при этом выброшен со своего места, отступает, чтобы потом принять то, чем озаботились, готовым в свое распоряжение или совсем снять с себя груз. При такой заботливости другой может стать зависимым и подвластным, пусть та власть будет молчаливой и останется для подвластного утаенной. Эта заменяющая, снимающая ‘заботу’ заботливость определяет в широком объеме бытие-друг-с-другом, и она касается большей частью озабоченья подручным» [1, с. 122]. В структуре такой замещающе-подчиняющей заботливости «другой» вынужден заниматься моим делом и входит в него, как отмечает Хайдеггер, «в модусе отстраненности и сдержанности». Поэтому «бытие-друг-с-другом тех, кто приставлен к тому же делу, питается часто только недоверием» [1, с. 122]. Таким образом, следствием замещающе-подчиняющей заботливости, в которой «другой» уравнивается с «я» в одном деле, является не просто недоверие, но отстранение «другого» от дела, а потому превращение самого дела в калькулирующую технологию. В конечном итоге, во все-равном вообще не может быть никакого дела.

Но Хайдеггер выделяет не только замещающе-подчиняющую заботливость, но и заступнически-освобождающую. Последняя «не столько заступает на место другого, сколько *заспутничает* за него в его экзистенциальном умении быть, чтобы не снять с него ‘заботу’ но собственно как таковую ее вернуть. Эта заботливость сущностно касается собственной заботы – т. е. экзистенции другого, а не *чего*, его озаботившего, помогать другому стать в своей заботе зорким и *для* нее *свободным*» [1, с. 122].

Таким образом, факт встречи обнаруживает двоякость своей силы: с одной стороны, в нем задано дело, в ведении которого «другой» соприсутствует отдельно; с другой – в нем *заступничество* за заботу «другого», чем и отмечается акт продуктивного споспешествования самому делу. При этом если в озаботившемся обращении «другой» предстает в своей ответственной стати, то в заботливости обращения ответственность на стороне «я». В этом плане нам представляется, что нельзя говорить о том, что «другой» имеет место либо только как соприсутствующий, либо в событийности заботливого обращения. «Другой разомкнут ближайшим образом в озаботившейся заботливости», – говорит Хайдеггер [1, с. 124]. Чтобы подчеркнуть двоякость силы встречи, ее амбивалентность, отметим, что «другой» размещен в событийном соприсутствии. Продуктивна «другого», таким образом, гарантирована ведением дела; как отдельный и споспешествующий ведению дела он имеет место.

Здесь – в событийном соприсутствии «другого» – и лад в мире чинится. Разомкнутость озабочения и заботливости – суть *совместность*, что ткется почленным ведением дела. В этой связи *совместность* ни в коей мере не может быть тематизирована как некая общность вместе-жительствования. Действительно, как отмечает Хайдеггер, «в озабочении тем, что человек взял на себя вместе с другими, за и против них, постоянно покоится забота об отличии от других, будь то лишь чтобы отличие от них сгладить, будь то потому, что свое присутствие – отставая от других – хочет относительно них подтянуться, будь то потому, что присутствие в превосходстве над другими замахнулось их подавить. Бытие друг с другом – втайне от себя самого – обеспокоено заботой об этой дистанции. Выражаясь экзистенциально, оно имеет характер хранения дистанции. Чем незаметнее этот способ быть самому повседневному присутствию, тем упрямее и исходнее его действенность» [1, с. 126]. Однако совместность, которая только и есть в направляющем от-далении ведения дела, «берется на себя» тем *кто*, кого Хайдеггер называет *люди*¹. В упакованной в *люди совместности* посредством усреднения и уравнивания

и «я» растворяется, и «другой» исчезает в своей продуктивной и выразительной отдельности. Несмотря на то, что Хайдеггер явно (!) не различает *совместность* и *люди*, такое различие не только должно быть отмечено, но и подчеркнуто. Также и их характеристики – «дистанция», «середина», «уравнение», «публичность», «облегчение» и «шаг навстречу» должны предстать в двух различных модусах.

Так, совместность, чем мир ладится, есть способ направляющего отдаления ведения дела; в устанавливаемой и сохраняемой дистанции «я», ради продолжения дела встречаю «другого», деля с ним мир и проявляя заботу о его заботе; равенство заботы обнаруживает себя в озабочении «серединой» – в том *между*, чем ведется дело в-чем, с-чем, и что правит толкующей ипостасью самого дела в «публичности». Таковая «середина» суть целость заботы. «Середина» не является неким самостоятельным членом – мерой, а сбывается в пути членораздельного ведения дела, чем (членораздельным ведением) совместность утверждается на границе встречи. Граница ведет совместность ради мира, в котором и «я», и «другой» встречаются направляющим от-далением ведения дела и заботливый друг в отношении друга. Годос этого ради-чего-ведения и определяет лад в мире и ладность мира – мировость. Конституция границы фактически вершит встречу «я» и «другого» как обращение и ответственание: в озабочении стояния пред уже данным – в ответе за него – «я» пребывает как «обращающийся» (или истец), «другой» – «ответствующий» в озаботившемся обращении «я»; в заботливости же ответственность несет уже «я», а «другой» выступает истцом. Таким образом, граница встречи «я» и «другого» исходно распоряжается ведением дела, утверждая очевидную красоту мира. Таким образом, в границе встречи «другой» открывает возможность продолжения дела и обращение к нему споспешествует его ведению; реальность «другого» – суть ведение самого дела. В этом вот ведении дела совместно, в которой «я» и «другой» совстречны друг другу в способе ладного обхождения с тем нечто, что есть в наличии, такое сбывается в своей собственной стати. Ведение дела совместно суть способ каким нечто наличествующее утверждается как оно само свое.

Per contra люди «держатся фактично в усредненности того, что подобает, что считается значимым, а что нет, за чем признается успех, чему в нем отказывают. Эта срединность, намечая то, что можно и должно сметь, следит за всяким выбивающимся исключением. Всякое превосходство без шума подавляется. Всякое оригинальное тут же сглаживается как издавна известное. Все отвоеванное становится ручным. Всякая тайна теряет свою силу» [1, с. 127]. Потому и «публичность» здесь

«оказывается во всем права», «замутняет все и выдает так скрытое за известное и каждому доступное» [1, с. 127]. В серединности и уравнении для *людей* повседневность облегчается, и в таком «заложена тенденция к упрощению и послаблению» [1, с. 128]. Эта тенденция еще более укрепляется в оборонительном стремлении и желании быть защищенным, в которых *ко-мое* упаковывается и мнит себя. Таковая *окопная* оборона уже не требует обращения к «другому» как споспешествующему в деле, и «другой» здесь, действительно, предстает как ад. Можно ли, пребывая в окопе, который есть ничто иное как окоп беззаботности, продолжать дело? можно ли говорить об адекватности я-самости, которая лишь мнит себя, под защитой окопа? вообще об идентичности нечто, которое было бы утверждено, а не просто копировалось? Если мы будем отвечать на эти вопросы лишь из *люди*, то получим утвердительный ответ на все эти вопросы. Хайдеггер заключает: «Пока *люди* облегчением бытия постоянно делают шаг навстречу всегдашнему присутствию, они удерживают и упрочивают свое жесточайшее господство» [1, с. 128]. Однако, даже если невыносимая легкость «жесточайшего господства» и заставляет идти во вперед-себя, то исток заступающей решимости лежит в самой заботе: озабоченно-заботливой разомкнутости, чем конституирована совместность, и где в событийном сопричастии есть место «другому», и потому слышен зов совести, вызывающий к продолжению. Конструкт же *люди* предстает лишь как фигура, в которой ведение дела представляется. Представление запирает, упаковывает – зашивает фактическую структуру ведения дела и стирает границу. В предельно плотной среде *людей* дело не ведется, но грезится. В безграничьи не только невозможно избежать падения, но и избегать его. Ведение дела совместно если и не боится от ошибок и падений (совершение которых неминуемо), то отрывает возможность их исправления в продолжении шествия.

Как нам представляется, Хайдеггер был ориентирован на продолжение: путь вел его к акцентированию и артикуляции разомкнутости, где то, что есть, открывается в своей собственной стати. И в продолжающемся ведении дела рождение нечто, как оно есть само, действительно случается: в *событии* событийного сопричастия, которое фундаментально основано в озабоченно-заботливой разомкнутости.

Примечания:

¹ Так В. Бибихин переводит *das Man* (примеч. ред.).

1. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. – М: Ad Marginem, 1997.